

ПАМЯТИ МАРИИ ЛЬВОВНЫ ЗЛОТИНОЙ

24.I.1921 —
15.VI.2000

Слово сына

Понимаю, что слова любви, благодарности и скорби, посвященные Марии Львовне Злотиной и высказанные после ее ухода сыном, учениками и коллегами в социологическом журнале, могут быть восприняты с должным пониманием не всеми читателями, по крайней мере той частью аудитории журнала, которой не посчастливилось работать рядом с профессором Злотиной, слушать ее лекции и просто общаться с ней в неформальной обстановке, где даже обыденные темы всегда приобретали неожиданный философский и социальный смысл. Ученым-обществоведам старшего поколения не нужно объяснять, какую роль сыграла философ М.Злотина в становлении рациональной и гуманистической составляющей той марксистской науки о человеке и обществе, которая господствовала в недавнем прошлом. Но более молодым коллегам, которым не довелось поучаствовать в научной жизни времен “зрелого социализма”, необходимо знать, что сегодняшняя идеологическая толерантность и свобода творческого самовыражения — это во многом результат долгой и неравной борьбы ученых-энтузиастов, самоотверженных искателей истины с легионом догматиков и конформистов, стремившихся вытравить в обществе любые формы инако- и свободомыслия.

Профессор Злотина была убежденным диалектиком-гегельянцем и марксистом. Философы и социологи, придерживающиеся этой доктрины, как правило, отличаются изрядной долей фанатизма, нетерпимости к оппонентам и святой верой в возможность разрешить все противоречия на пути к истине и светлому социальному будущему. Но в тех редких случаях,

когда диалектика и ее марксистская интерпретация сочетаются с уважением к оппонентам, искренним интересом к мысли независимо от ее идеологической направленности, эрудицией и человеческим обаянием, — нет более интересного и остроумного собеседника, более глубокого и тонкого аналитика социальной действительности, более талантливого преподавателя, способного обрести второе рождение в своих учениках, даже если они впоследствии не разделяли убеждения учителя. Именно таким ученым и преподавателем была Мария Львовна Златина — моя мама. Неизменный успех ее лекций, восторженные отклики студентов и слушателей Института повышения квалификации преподавателей общественных наук — это был лишь конечный результат скрытой от посторонних глаз ежедневной многочасовой работы над каждой лекцией, над каждым семинарским занятием, над каждым текстом, который ей хотелось или доводилось читать — от “Феноменологии духа” до рядового реферата, подготовленного слушателем к теоретическому семинару.

Ее мысль, ее логика, ее неожиданные аналогии и примеры из социальной действительности никого не оставляли равнодушными: одних завораживали, других побуждали к дискуссии, у третьих вызывали глухое раздражение. И реакции эти зависели не от философских и социальных взглядов слушателя, а от уровня его интеллекта и отношения к истине. Когда-нибудь историки и социологи, которые будут изучать социалистическую эпоху, напишут специальные труды о том, какую исключительную роль сыграла кухня в квартире советского интеллигента в жизни и смерти “страны Советов”. По крайней мере в моей памяти — с раннего детства и до вполне зрелого возраста — кухня моей мамы была творческой лабораторией, где времени для философских трудов и дискуссий уделялось гораздо больше, чем для кулинарии. В этих бесконечных дискуссиях участвовали сторонники разных философских учений: марксисты-ортодоксы и поклонники молодого Маркса, теософы-мистики и экзистенциалисты, позитивисты и герменевтики. Среди участников дискуссий были не только преподаватели общественных дисциплин из Украины, немало было и тех, кто приезжал из России, других республик Союза, из Польши, Болгарии, ГДР. Мама часто цитировала одного из болгарских слушателей, который первые впечатления о жизни и общественной науке в Киеве обобщил в замечательном выводе: “Оказывается, у вас все точно так же, как и у нас”.

Сопrotивляясь этому лагерно-социалистическому единообразию социальной жизни и показному единомыслию, люди творческие искали интеллектуальную и нравственную опору в общении с профессором Златиной. Когда в первые годы перестройки Киев посетила чета Горбачевых, и Раиса Максимовна высказала пожелание встретиться с Марией Львовной Златиной, общение с которой ей более всего запомнилось в период пребывания в Киевском ИПК, осторожное украинское начальство с сожалением сообщило жене Генсека, что уважаемый профессор находится в отъезде. Этот выдуманный “отъезд” вполне понятен — кто знает, что мог “брякнуть” первой леди Союза свободомыслящий человек и какие из этого могли быть сделаны выводы. Кто знает, какие выводы сделала сама Раиса Максимовна после общения с Марией Львовной Златиной, и о чем впоследствии говорили “на кухне” супруги Горбачевы, обсуждая проблемы развития страны и пути выхода из социального тупика, в который ее привели “верные ленинцы”.

Разумеется, мама не могла непосредственно способствовать формированию “крамольных” антикоммунистических убеждений, поскольку сама верила в справедливость марксистского учения и коммунистическое будущее человечества. Верила... Но не в “коммунизм для нынешнего поколения советских людей”, к которому с самого начала относилась с нескрываемой иронией, и не в совершенства социализма, и не в непогрешимость “партии Ленина”, а в некую отдаленную возможность воплощения гегелевского сценария развития исторического процесса в обществе, где человеческий дух будет окончательно освобожден от всего, что мешало ему реализоваться во всей полноте. Наверное, небезосновательно в доносах времен “борьбы с космополитизмом” ее обвиняли в идеализме. С особым сарказмом она встретила такие новации в советской социальной теории, как категории “развитого” и “зрелого” социализма (“развитым” может быть мальчик, но не общество, а “зрелый” — это именно та стадия развития плода, за которой следует “гниение”). Ее понимание общественного развития основывалось на идее об имманентности противоречий социалистического общества, и в своей докторской диссертации она открыто выступала против тех идеологов социализма, которые эти противоречия объявляли “не как имманентное явление, а как что-то такое, что возникает под действием внешних причин” (см.: *Златина М.Л.* Общие законы развития и принцип отражения. Докторская диссертация. — К.: КГУ, 1969. — С.56). Не случайно на ее диссертацию был подготовлен отрицательный отзыв, и только на заседании экспертной комиссии ВАК СССР ей удалось отстоять свою работу после достаточно долгой полемики с людьми, взгляды которых она критиковала в диссертации. И когда я сегодня читаю диссертационные работы молодых (а значит, дерзких, по определению), пронизанные комплиментарным духом и полным отсутствием полемичности, когда в авторефератах с тоской перелистываю страницы, наполненные списками ученых, “внесших большой вклад” (а потому заседающих в Ученых советах и решающих судьбы диссертантов), я очень хочу, чтобы молодые ученые открыли диссертацию М.Златиной и на первой же странице вместо трескучей фразы о необычайной актуальности работы прочитали следующее: “Вопреки достойному вниманию совету автора “Феноменологии духа” не говорить в предисловии ни о цели, ни о результате труда в силу их односторонности вне единства (а реализацией последнего и должен быть сам труд), в данном предисловии речь будет идти о цели. И не по соображениям, ставящим каким-то образом под сомнение истинность положения о том, что суть дела не исчерпывается своей целью...” (Там же, с.1). А дальше — полемика, полемика, полемика... Не знаю, наверное, хотя бы во введении к диссертации можно было упомянуть коллег-философов не только в полемическом аспекте. Но ведь с древних времен так уж повелось, что истинный философ всегда был “интеллектуальным брательником”, настолько жаждущим поединка с оппонентом, что даже друг-Платон не застрахован от критических стрел.

Полемический зазор и демонстративная ирония по отношению к разного рода начальникам нисколько не отражались на отношении мамы к ближним, которых она готова была поддержать словом и делом в трудные для них времена. И никогда, ни на кого она не повышала голос. Не знаю, многим ли посчастливилось вырасти в семье, где мать никогда не повысила голос на своих детей, даже когда они этого вполне заслуживали. И хотя

фронтовые товарищи Марии Злотиной, написавшие книги воспоминаний, специально отмечали ее личную храбрость и героизм в самых тяжелых боях, сама она о подвигах своих, отмеченных высокими наградами, вспоминать не любила, награды не надевала, а гордилась лишь тем, что никогда ни в кого не стреляла. И хотя была она примерной комсомолкой, и в партию вступила в боевых условиях, и окровавленный комсомольский билет ее хранится в музее дивизии (где мне, по счастью, довелось проходить послеуниверситетскую военную подготовку), но вспоминала она не о том, как по Всесоюзному радио сообщали о героической Маше Злотиной (заверенный текст передачи я нашел в ее архиве), а как перевязывала простреленные ладони “самострелов” и ни разу не сообщила об этом “органам”, хотя имела на сей счет строгий приказ. Ей было жалко этих насмерть перепуганных людей, у которых разум помутился от ужаса войны. И впоследствии маме было жалко всех, кроме, пожалуй, благополучных бюрократов от науки, с которыми отношения у нее всегда складывались очень не просто.

Об этом и многом другом, что запомнилось в общении с профессором Злотиной, напишут ее ученики и коллеги, которые были верны ей при жизни (даже после ее вынужденного ухода на пенсию) и остались верными ее памяти. Среди ее учеников, воспоминания которых мы публикуем в журнале, — выдающиеся философы, социальные мыслители и публицисты — Мирослав Попович и Сергей Крымский. В их биографии немалое место занимает и социология: М.Попович был первым заведующим первого в Украине социологического отдела, созданного в 60-е годы в Институте философии АН Украины, С.Крымский несколько лет возглавлял отдел методологии и методов социологического исследования. Студенткой профессора Злотиной была и Людмила Дымерская-Цигельман, которая является главным редактором университетского альманаха в Иерусалиме, в котором постоянно публикуются работы социологов из разных стран, в том числе и из Украины. Профессора Александру Левицкую с М.Злотиной связывали долгие годы совместной работы и личной дружбы. Я хочу искренне поблагодарить Александру Ивановну за то, что она не оставила маму в трудное время и оставалась с ней до последнего дня. И наконец, от имени всех слушателей написал воспоминания Валентин Тарасенко — известный в Украине социолог, который счел своим долгом рассказать о том, насколько велика могла быть роль Марии Львовны Злотиной в становлении ученого-обществоведа.

Закljučая свое слово о маме, я хочу вернуться к тому, с чего начал — с вопроса о том, почему эти воспоминания напечатаны именно в социологическом журнале. Главное не в том, что сын — редактор журнала, и даже не в том, что многие ученики и слушатели профессора Злотиной стали известными социологами, главное состоит в том, что почти столетия в огромной социально-интеллектуальной пустыне, где лишь изредка можно было обнаружить оазис живой мысли, существовал и оазис, сотворенный М.Злотиной, в котором утоляли духовную жажду тысячи людей, постепенно готовивших те социальные изменения, которые позволяют сегодня всем обществоведам говорить и писать то, что они думают. И поэтому память о Марии Львовне Злотиной — это во многом социальная память нашего общества и науки об этом обществе.

ЕВГЕНИЙ ГОЛОВАХА